

05
У-68

урал

ISSN 0130—5409

83/8

чушаю лю

ты камъя

руг на

Повесть Еремея Айпина. «Мама сказала мне, что олени умные. Но больше понимают и чувствуют сердцем, а не умом. Теперь в какие земли ни попадут — их все время будет тянуть домой, туда, где они оставили клок шерсти, частицу себя. Тогда я свято верил этому: так и должно быть...»

Виктор Болотов
Николай Домоитов
Александр Гребенкин
Игорь Тюленев
Нина Чернец

Турунтаева. «Последнее ят и пишут о зарубежном опыте разведения в теплых водах пропитий. И не только говорят. Если в 1975 году по юго хозяйства РСФСР бом было произведено ят тонн рыбы, то в четырех тысяч тонн. раз больше. И около того подажу и для себя те предлашлись энтузиасты...»

Книга и книжники

Леонид Большаков

«И ТЕМ ПООЩРИТЬ...»

1

Тысяча рублей серебром, полученная В. Б. Григорьевым 26 сентября 1853 года, накануне его отъезда в Петербург, имела вполне определенное назначение. Генерал-губернатор В. А. Перовский предписывал председателю Пограничной комиссии употребить означенную сумму «на закупку книг для библиотеки, заводимой при губернаторской канцелярии».

Прошли и осень, и зима. Григорьев пребывал в столице. И вот рапорт — уже весенний, датированный 12 апреля 1854 года. Все в нем по форме: «вследствие предписания», «честь имею донести», «по личному полученному наставлению». Только речь идет о книгах, и уже по одному этому документ обретает особое звучание: «...приобретено мною покупкою, в Санкт-Петербурге и проездом через Москву, 102 наименования в 211 томах, означенные в представляемом при сем каталоге под буквою А». Но это еще не все. «Сверх того... принято мною в дар от разных лиц 63 сочинения и брошюры, означенные в представляемом каталоге под буквою Б». И наконец, сообщение завершающее: «Все означенные приобретения отправлены были в Оренбург в шести ящиках: 3 большие — вольными возчиками и 3 малые — по почте».

...В деле № 13321 губернаторского фонда Государственного архива Оренбургской области рапорт подшип первым.

С него это дело и начинается.

2

Инициатива создания библиотеки исходила от Перовского.

Перовскому докладывал Григорьев — тот, кому задание было дано.

Так кто они, упомянутые здесь пока только по должностям?

Даем краткие справки.

Перовский Василий Алексеевич (1795—1857) — «оренбургский и самарский генерал-губернатор, командир Отдельного Оренбургского корпуса и заведующий Оренбургским Пограничным краем, член Государственного Совета, член Адмиралтейств-совета, генерал-адъютант, генерал от кавалерии» (так его величали в «Адресе-календаре Оренбургского края на 1854 год»).

Внебрачный сын графа А. К. Разумовского и М. М. Соболевской, Перовский окончил курс в Московском университете пансионе, а затем школу колонновожатых, из которой в 1811 году был выпущен прапорщиком. Участвуя в Отечественной войне 1812 года, Перовский получил ранение под Бородино; при отступлении русских войск из Москвы французы его взяли в плен, и в плену он оставался до взятия Парижа. По возвращении Перовский сделал быструю карьеру: в 1818-м стал капитаном, в 1819-м — полковником, в 1825-м — флигель-адъютантом.

Василий Алексеевич близко стоял к литературным кругам. Среди его знакомых были Пушкин, Карамзин, Вяземский, Жуковский, некоторые из будущих декабристов. Во время следствия по делу декабристов Перовского называли «недолго принадлежавшим к Военному обществу». Но злонамеренных действий в его поведении установлено не было. К тому же он сам объяснял обо всем в записке на имя царя. И царь повелел: «Оставить без внимания».

В 1828 году Перовский (оправившийся от нового ранения — в Турецкой кампании) — генерал-майор свиты, в 1829-м — директор канцелярии морского штаба и генерал-адъютант. В 1833—1842 годах он был оренбургским военным губернатором. В последующие годы, до вторичного назначения в тот же край и на тот же пост (хотя нет, тот и не тот, — уже оренбургским и самарским генерал-губернатором), выполнял важнейшие поручения монарха — в частности, возглавлял следствие по делу петрашевцев.

В Оренбург Перовский вернулся в мае 1851 года и нес обязанности полновластного начальника края до апре-

ля 1857 года, когда его сменил А. А. Катенин. Прошло несколько месяцев, и вышший генерал-губернатор умер.

Григорьев Василий Васильевич (1816—1881) — председатель Оренбургской Пограничной комиссии на протяжении десяти лет, ученый-востоковед. Написал более 200 научных работ, среди которых наиболее выделяются труды по истории и культуре народов Средней Азии. Позднее, по возвращении из Оренбурга, он читал университетский курс истории Востока, организовал Международный съезд ориенталистов, был избран членом-корреспондентом Петербургской академии наук. В последние годы своей жизни — начальник Главного управления по делам печати.

Оренбургский период жизни и деятельности Григорьева — самый яркий и плодотворный. Много доброго сделал он, чтобы облегчить участь ссыльных, оказавшихся в крае за свои политические убеждения. Среди его подопечных и друзей был, например, польский поэт и революционный демократ Эдвард Желеговский.

...Библиотеку задумывали и начинали они, эти два человека.

3

К рапорту В. В. Григорьев приложил счета на израсходованные им 700 рублей 85 копеек серебром.

Счета от П. И. Крашенинникова, владевшего книжным магазином «на углу Невского проспекта и Адмиралтейской площади в доме Греффа»...

Счета от Я. А. Исакова — «комиссionera военно-учебных заведений и библиотек Гвардейского корпуса»...

От многих переплетчиков... От возчиков...

Какие же приобретения были первыми — самыми первыми?

На этот вопрос ответить не трудно. Первыми книгами новой библиотеки стали двадцать два экземпляра, перечисленные в счете книжного магазина Крашенинникова, выпущенном 20 ноября 1853 года.

Среди них — пять томов «Путешествий по разным провинциям России» Палласа, трехтомное «Описание киргизско-казацких степей», «Путешествие в Туркмению и Хиву», книги Рычкова, Лепехина, Ефремова и других исследователей-первоходцев.

Оренбургская библиотека начиналась с этих приобретений. И еще с того, которое в счете обозначено так:

«История Пугачевского бунта» (Соч. А. С. Пушкина)...

Среди учредителей библиотеки был, таким образом, и он — великий поэт России.

4

На одном из старых домов Оренбурга можно прочесть о том, что здесь в 1754—1761 годах жил первый естествоиспытатель края Петр Иванович Рычков. Более сорока лет провел он на земле оренбургской, изучая ее природу и ее историю. Сюда когда-то пришла весть об избрании его первым членом-корреспондентом Петербургской академии наук.

Петр Симон Паллас, крупнейший натуралист XVIII века, побывал тут во время экспедиций по изучению природы России; в его «Путешествиях» — первой книге, приобретенной для библиотеки Григорьевым, Оренбургскому краю посвящено немало страниц.

И в «Путешествиях» Ивана Ивановича Лепехина, тоже академика, тоже природоведа, таких страниц множество; в 1768—1772 годах он руководил Оренбургской экспедицией, которая собрала ценнейшие данные об этих, неизвестных тогда, местах.

Они бывали здесь.

И Пушкин ходил-ездил по городу, жаждя впитывать все, что несло в себе отголоски бушевавшей некогда в Оренбургских степях Крестьянской войны под предводительством Емельяна Пугачева.

Для этого и приезжал он сюда осенью 1833 года. Поездка — дальнная, утомительная, трудная — оказалась на редкость плодотворной, многое ему дав и для «Истории Пугачева», и для «Капитанской дочки», и для будущих, оставшихся неосуществленными, литературно-исторических работ.

Во вторую свою «болдинскую осень», которая началась для него 1 октября и продолжалась почти полтора месяца, Пушкин закончил «Историю Пугачева», ставшую затем, по воле самого царя, «Историей Пугачевского бунта».

Автор очень хотел, чтобы дорогой ему труд в двух томах поскорее увидел свет и стал достоянием читателя. Он сам следил за всеми издательскими перипетиями, сам осуществлял отправку тиража «Пугачева» из типографии на двух нанятых подводах и одной «казенной лошади», сам вел переговоры с книготорговцами. Но надежды автора на то, что книга поправит его финансовые дела, не оправдались. Из 3000 экземпляров удалось при жизни его про-

дать всего 1250. Прочие остались на квартире у Пушкина, где и были обнаружены после роковой дуэли.

Цену «Истории Пугачевского бунта, в двух томах» автор назначил достаточно твердо: 20 рублей. После его смерти книги продавались гораздо дешевле. По книготорговому реестру Смирдина, составленному в 1841 году, оба тома шли со складкой 75 процентов против номинала. Так писал Н. П. Смирнов-Сокольский в своих «Рассказах о прижизненных изданиях Пушкина». П. И. Крашенинникову за экземпляр двухтомника Григорьев уплатил всего два рубля. Это был экземпляр не подносной, не из тех, которые переплетались в золототисненные маркены, с муаровой подшивкой, с золотым обрезом и портретом Пугачева на китайской бумаге. Таких, по заказу Пушкина, сделали очень немного, в продажу они не шли, распоряжался ими он сам. В оренбургскую библиотеку был куплен экземпляр обычный: «папка в бумаге, корешок шагреневый». Именно так значится в первом сводном каталоге, что подшил в том же архивном деле...

5

Ну, а подношения? Кто и что дарил новорожденной библиотеке «на зубок»? Список дарителей открывает сам Григорьев. Он преподнес «Всемирную историю» К. Ф. Беккера в шести частях (петербургское издание Николая Грече), труды В. Берха «Царствование царя Михаила Феodorовича и взгляд на междуцарствие», «Царствование царя Феодора Алексеевича и история первого стрелецкого бунта» (каждая в двух частях, обе — из книг первой половины 30-х годов), наконец, свои собственные работы или им же выполненные переводы.

Историк А. Н. Попов передал библиотеке только что вышедшую тогда его книгу «Сношения России с Хивою и Бухарою при Петре Великом». П. С. Савельев снабдил Григорьева своей книгой «Казанские чуваши» и исследованием Лебедева «О чувашском языке», другими работами о народах Поволжья и Урала. В. В. Бельяминов-Зернов, сагиттированный поехать в Оренбург «для занятий по пограничной части», а впоследствии ставший академиком по отделу восточных наук, поднес библиотеке первый том своих «Исторических известий о киргиз-кайсаках и сношениях России с Среднею Азию со временем кончины Абулхана-хана» (Петер-

бург, 1853). Одиннадцать книг подарил Иван Петрович Липранди, тогда действительный статский советник, вообще же личность колоритная и противоречивая*; судьба этого человека переплелась с биографиями Пушкина, декабристов, петрашевцев, Герцена. Его личная библиотека вызывает восхищение и до наших дней — библиотека-загадка, библиотека-тайна; в ней, в частности, было многое, непосредственно связанное с творчеством Пушкина.

...На призыв помочь в создании новой библиотеки отклинулись многие.

6

Перовский — Григорьеву:

«...Поставляю себе за приятное удовольствие выразить Вашему превосходительству мою совершенную признательность за ту готовность, с какою Вы приняли на себя и ту заботливую почтительность, с какою исполнили настоящее мое поручение... Книги и прочее, согласно представленных Вами двух каталогов, приказано мною принять... казначу и экзекутору канцелярии моей губернскому секретарю Павлову...»

Павлову? Кто он, тот первый библиотекарь?

Дадим справку.

Павлов Николай Васильевич — казначей и экзекутор пограничного отделения канцелярии оренбургского и самарского генерал-губернатора, в этой должности состоял с ноября 1851 года. Родился в дворянской семье Мценского уезда Орловской губернии. Учился в Московском университете, на юридическом факультете, и во время ученья был близок к кружку крупного русского ученого и общественного деятеля Т. Н. Грановского. «Все, что было в Москве благороднейшего между людьми молодого поколения, соединилось вокруг него», — писал о Грановском Н. Г. Чернышевский. По окончании университетского курса братом, Иваном Васильевичем, определенным в Оренбург лекарем к генерал-губернатору, переехал сюда и Николай Васильевич. Братья Павловы были людьми прогрессивными. В Оренбурге, например, они деятельно хлопотали перед Перовским об облегчении участия томившегося на берегу Каспия Тараса Шевченко.

...Итак, библиотеку принял Павлов. Григорьев же продолжал заниматься ею с прежней энергией.

* См.: Курочкин Ю. Дело Липранди.— Урал, 1973, № 6.

Шло приобретение книг — и не только в Петербурге, но и в других местах, например, в Казани. Через столичных книготорговцев-комиссионеров Егерса, Мюнкса и других выписывались труды из-за границы.

Не прекращались пожертвования. Я. В. Ханыков — гражданский губернатор и ученый-востоковед — передал в фонд библиотеки труды своих и брата, Н. В. Ханыкова, известного исследователя, отчеты Императорского русского географического общества и другие книги. От медика при Пограничной комиссии Н. Э. Эверсмана поступила книга «Естественная история Оренбургского края», написанная его отцом — профессором зоологии Эдуардом Александровичем Эверсманом; в ней содержалось первое обстоятельное описание фауны обширного края.

Но наиболее ценным в 1854 году был дар В. А. Перовского. Он передал библиотеке сорок книг — интереснейшую подборку материалов об Урале, России, соседних азиатских странах. Так появились в фондах и календари Оренбургского края на 1849, 1850, 1852, 1853 годы, и статистические, и этнографические сборники, характеризующие Оренбуржье. Подарил генерал-губернатор также произведение художественное — «Записки ружейного охотника Оренбургской губернии» С. Т. Аксакова, вышедшие в Москве двумя годами ранее — в 1852-м. Как и пушкинская «История Пугачева», оно содержало огромный познавательный материал о крае.

Библиотека задумывалась как научная, краеведческая. Такой она и становилась.

7

О читателях — первых читателях — в деле № 13321 сведений нет.

Почти нет.

Но документ, который будет процитирован, проливает свет и на «проблему» читателей.

Бот он — дословно:

Его высокопревосходительству
господину Оренбургскому
и Самарскому
генерал-губернатору.

Докладная записка

штабс-капитана Антипова
9 июня 1854 г.

Имею честь почтительнейше просить
Ваше высокопревосходительство дозво-

лить мне получить из библиотеки Канцелярии сочинения: Палласа 1-ю часть, Гмелина 2-ю часть и академика Лепехина 1-ю часть, в которой подробно описываются местности Оренбургского края, подлежащие ныне исследованиям для осмотра месторождений самородной серы.

Корпуса горных инженеров
штабс-капитан Антипов.

Справка об Антипове:

Антипов Александр Иванович — горный инженер, начальник экспедиции по исследованию природных богатств Оренбургской губернии. Плодотворная работа инженера по разведке недр края продолжалась в течение многих лет и явилась важной вехой деятельности Антипова-геолога, Антипова-горняка. Материалы ряда его экспедиций пятидесятых годов (журналы, отчеты, докладные) хранятся в Государственном архиве Оренбургской области и до сих пор привлекают внимание специалистов. Все эти материалы характеризуют Антипова как умелого, энергичного организатора, высокообразованного, неустомимого искателя сокровищ. В одной из его экспедиций — 1851 года — участвовал Т. Г. Шевченко. Во время этой экспедиции он выполнил большое количество художественных работ. Антипов, конечно, знал о строжайшем запрете поэту писать и рисовать, но занятиям «рядового Шевченко» не препятствовал.

Перовский ценил горного инженера. Но... на докладной его записке появилась отнюдь не та резолюция, на которую Антипов, видимо, рассчитывал: «Брать с собою из Оренбурга не позволяю».

«Не позволяю» — и все тут. Губернатор был категоричен и даже крут. При ином характере, собственно говоря, создать библиотеку и не удалось бы...

8

В марте 1855 года Григорьев докладывал: библиотека насчитывает 686 томов (книги географические, этнографические, исторические, естественноисторические, пособия по изучению восточных языков, атласы), и все, что удалось приобрести, собрать, приведено в полный порядок. Значит, организационный этап пройден. Но возможности комплектования фонда до конца не исчерпаны, и потому желательно назначение «новой суммы для постепенного пополнения библиотеки как вновь выходящими сочинениями, так и теми из старых,

которые оказываются по цели ей необходимыми». Запрашивал Григорьев не много: 100—150 рублей серебром в год.

Перовский скупиться не стал. На рапорте появилась такая его резолюция:

«Я весьма благодарен г. Григорьеву за полезный труд, им на себя принятый, и за отличное исполнение оного. Прошу его продолжать заниматься составлением библиотеки по предначертанному плану. На пополнение библиотеки старыми сочинениями, а также картами назначаю 500 р. и на приобретение вновь появляющихся сочинений 150 р. на текущий год. Деньги эти отпускать г. Григорьеву по мере его требований. Кроме того, препроводить к нему 100 р. для награды по его усмотрению трудиншихся над составлением и перепиской каталога. Кажется, было бы хорошо ввести общую нумерацию книг с наклейкой на них №, соответствующих номерам каталога. Нужно бы также заказать штемпель для приложения на каждой книге. Деньги отнести на сумму, жертвуемую для пользы края».

Можно представить себе, как доволен был таким развитием дела Василий Васильевич Григорьев. Легко представляется и торжество его помощников.

Но кто эти люди? Мы знаем только Павлова... Однако он выехал из Оренбурга еще в 1854 году...

«...100 рублей серебром... мною получены и переданы по назначению прaporщику Залесскому...»

Залесский?

9

Залесский Бронислав Францевич (1820—1880) — польский ссылочный, рядовой, а затем унтер-офицер и прaporщик линейных батальонов Отдельного Оренбургского корпуса.

Бр. Залесский родился в дворянской семье Минской губернии. Получив домашнее воспитание и пройдя курс гимназии, он в 1837 году поступил в Церпетский университет, но уже год спустя, за участие в кружке польских студентов, связанном с конспиративной организацией Шимона Конарского, был исключен и арестован. После двухлетнего пребывания в тюрьме, где он находился на положении подследственного, Залесский был выслан в Чернигов. Ссылка его закончилась в 1845 году. По возвращении он поселился в Вильно и сразу же возобновил связи с участниками польского освободительного движения. В 1846-м последовал второй арест. По окончании следствия Залесского приговорили к отправке рядовым

в Отдельный Оренбургский корпус.

Здесь он служил с 1848-го по 1856 год — во втором, четвертом и девятом линейных батальонах. Командированный в 1851 году в состав Карагауской экспедиции А. И. Антикова (того самого!), Залесский по возвращении «за отлично-усердную службу» был произведен в унтер-офицеры. В 1853 году, за отличия под Ак-Мечетью, он был произведен в офицеры. 12 июня 1856 года его, прaporщика 2-го линейного батальона, со службы уволили, и он получил возможность край своей неволи покинуть.

Но раньше, в 1854-м, Бронислав Францевич принял предложение постудиться на пользу культуры оренбургской в качестве библиотекаря. И поработал на славу!

10

Впервые мне довелось узнать о Залесском-библиотекаре от... Тараса Григорьевича Шевченко.

«С(игизунд)... пишет мне, что ты оставляешь военное сословие и делаешься библиотекарем Оренбургской (ургской) публичной библиотеки. Дал бы Бог! — так писал Шевченко Залесскому в письме, датируемом 9 октября 1854 года. (Упоминаемый в тексте «Сигизунд» — это Зигмунт Сераковский, их общий друг, польский революционер.)

«Я чрезвычайно рад, что тебе поручена новая библиотека; лучше для тебя занятия я не мог бы придумать», — заметил он же 10 февраля 1855 года.

Бронислав Залесский был одним из самых близких друзей Кобзаря на протяжении многих лет ссылки.

Начало их товарищеских связей относится к ноябрю-декабрю 1849 года, когда, по возвращении Аральской экспедиции в Оренбург, Залесский, как «умеющий рисовать», был прикомандирован в помощь Шевченко «для отделки гидрографических видов берегов Аральского моря». Оренбургские встречи сознаний увековечены известным русским художником А. Ф. Чернышевым в рисунке «Шевченко среди польских ссылочных», где запечатлен и Залесский. Однако по-настоящему сблизились они во время экспедиции по разведке месторождений каменного угля на Мангышлаке, когда вместе, в одной палатке, провели три месяца.

Тогда, в 1851-м, Залесский вернулся в Оренбург, а Шевченко на долгие годы остался в Новопетровском укреплении — «незапертой тюрьме» на пустынном берегу Каспия. Но переписка меж-

ду ними не прерывалась. Польский друг стал надежным «связным» между революционным поэтом и его единомышленниками в Оренбурге, Уфе, Ак-Мечети, Богословске, в том числе с З. Серафиковским, Э. Желиговским, А. Плещевым и другими. Через него узнавал Шевченко обо всем новом в жизни оренбургской колонии политических ссыльных. От него получал он кисти, краски и другие материалы для занятий живописью. Бесценной была помощь друга в продаже художественных работ, имевшая большое значение для улучшения материального состояния изгнанника на Манычлахе, а кроме того, положительно влиявшая на его моральное состояние (и в этом он видел один из каналов своих связей с «внешним миром»). Наконец, в переписке их содержится обмен мыслями по вопросам искусства; в этом между ними сложились отношения учителя и ученика, Шевченко как заботливый наставник дает практические советы, делится опытом.

Переписка известна с давних пор. Между тем автографы писем поэта к Брониславу Залескому отыскались совсем недавно.

Это, конечно, сюжет особый, и все же не рассказать о нем не могу.

11

Впервые о находке я узнал из маленькой заметки в еженедельнике «Польское обозрение» за 7 апреля 1970 года. «В архиве краковской библиотеки Чарторыских,— сообщалось в ней,— найдено 14 писем Т. Шевченко поляку Б. Залескому — участнику заговора против царского самодержавия. Вместе с письмами Шевченко, хранящимися в Ягеллонской библиотеке, они дают полное представление о переписке 1853—1857 гг. между обоями бойцами за социальное и национальное освобождение, которые встретились и подружились в оренбургской ссылке».

Уже в следующем номере еженедельника была опубликована статья Збигнева Войнара — научного работника библиотеки Чарторыских в Кракове.

«Весной 1872 года в Курнике, под Познанием, было привезено из Парижа библиотечное собрание «Отели Ламбер» — местопребывания Чарторыских в эмиграции — и оставалось там вплоть до 1876 года, когда оно было передано в Краков,— вел рассказ Войнар.— В коллекции собраны богатые рукописные материалы, принадлежавшие политическим деятелям лагеря Чарторыских.

К этим лицам относился и Бронислав Залеский — один из видных представителей этого лагеря после январского восстания 1863 года.

Разбирая материалы Залеского, я обратил внимание на небольшой пакетик с 14 письмами, написанными по-русски. Они не были подписаны, и только в конце одного из них виднелась буква Т. Из-за отсутствия подписи и очень неразборчивого почерка ими никто не заинтересовался вплоть до настоящего времени. Чтобы найти ключ к разгадке авторства писем, пришлось внимательно проследить все пути бурной жизни Залеского...»

Удивительная находка занимает меня живее — хочется почертнуть из нее поучительное и для других шевченковских поисков, которыми я занимаюсь долгие годы.

Из цитированной выше статьи в «Польском обозрении» за 7 апреля 1970 года мы, читатели, узнали, что судьба писем действительно была весьма необычной...

Оказавшись в шестидесятых годах в Париже, Залеский намеревался опубликовать их — на польском — в «Ежегоднике Литературно-исторического общества». Это не удалось. Тогда он решил передать письма издательству Академии наук в Кракове. Но и тут публикация не состоялась. Следы автографов затерялись. Владзимеж Спассович, критик и литературовед, развернул поиски. Найти, однако, удалось только копии. Они обнаружились у Юзефа Крашевского в Дрездене. Их получил М. Драгоманов, которому и принадлежит часть обнародования этих писем в первых трех номерах «Киевской старинь» за 1883 год. Со временем при разборке архива Крашевского была выявлена еще одна копия тех же писем. Как установил М. Павлык, нашедший новый список, между ними и опубликованными в «Киевской старине» оказались различия. Иван Франко, заинтересовавшись находкой, установил, что она, по всему судя, была когда-то в руках самого Залеского, который снабдил копию собственными примечаниями. На основе ее И. Франко сделал ряд уточнений и дополнений к журнальной публикации. Сама же копия, им использованная... затерялась.

Комментируя шевченковские письма к Брониславу Залескому, исследователи нередко сетовали на неточности публикаций. Но... об автографах не знали ничего.

И вот они нашлись!

Письма, как уже сказано, не были

подписаны, архив Залесского систематизировали совсем недавно — потому-то без малого сто лет (!) и не было известно об оригиналах шевченковских писем. Однако, как видим, переписка дошла до наших дней.

Позднее, из газеты «Літературна Укрaina», мы узнали, что находка в Кракове явилась результатом совместных поисков исследователей львовских и краковских. Толчок к успешно закончившейся «операции» дало обнаружение в отделе рукописей Львовской государственной научной библиотеки АН УССР неизвестного ранее письма Б. Залеского к генеральному секретарю Академии наук в Кракове Ю. Шуйскому. Оно-то и навело на след...

...История поучительная — не правда ли?

А теперь вернемся к Залескому-библиотекарю...

12

«Я, нижеподписавшийся, получил от действительного статского советника Василия Васильевича Григорьева для себя и рядового Кузьминского (еще одна фамилия, еще один человек, причастный к рождению библиотеки!) назначенные его высокопревосходительством Василием Алексеевичем в награду за составление и переписку каталога состоящей при канцелярии генерал-губернатора библиотеки сто рублей серебром. В чем собственноручным подpisом удостоверяю. Оренбург, 11 апреля 1855 года. Прапорщик Бр. Залеский». Со-сто-я-щ...»

Да, библиотека уже была, уже состояла.

О ней узнали далеко за пределами края. Разве не тому подтверждением посылки с «даровыми приношениями»: от Императорского Вольного Экономического общества... от Казанского университета?.. В благодарность дарителям шли книги из Оренбурга. Например, Экономическое общество в столице получило двенадцать экземпляров изданного здесь «Описания сводов и вообще построек из камыша»; посыпку их Первовский мотивировал таким образом: «Изобретение это... может иметь полезное применение и в других бесплодных, но обильных камышом местностях России». Так начинался научный обмен, который и сегодня служит одним из верных показателей плодотворной работы библиотеки.

Продолжались закупки книг. Затруднения вызывала перевозка их. Транспортные затраты съедали значительную

часть выделяемых средств. Тогда привлекли к этому оренбургских казаков, которые несли службу в Петербурге. Вот рапорт командира свободного казачьего полка Бизянова. Полковник докладывал: с транспортом сукна им, «при уряднике Иванове и возчике крестьянине Никитине», отправлено 4 пуда 16 фунтов (!) книжного груза.

Средств могло хватить только на один экземпляр каждой из приобретаемых книг. Если каким-то образом в фонде образовывались «излишки», вторые экземпляры «оставлял за собою» Григорьев. Не требовалось ему — находил другого покупателя. А деньги возвращались в кассу — для покупки того, что в фонде отсутствовало.

Заботились не только о накоплении, о подборе книг. С самого начала думали и о внешнем их виде, о сохранности и долговечности. «За переплет в сафьян и тисненый коленкор одиннадцать книг получил 18 р. 20 к. серебром. Петр Иванов Белов». Это расписка «петербургского происхождения». Тут же счет оренбургского переплетчика —unter-офицера Флорентия Жуковского. Между прочим, его имя тоже можно встретить в архивных документах о польских ссыльных. Залеский знал и использовал способности каждого.

О библиотеке он служил верно! Залеский вел всю переписку по заказам. Через его руки проходила каждая книга. В деле подшито двадцать семь собственноручных расписок друга Шевченко во поводу всевозможных библиотечных трат. Последняя запись его рукой сделана незадолго до отъезда на родину.

Как свидетельствует переписка, Шевченко получал из Оренбурга и книги. Надо полагать, что преданный ему Бронислав умел в нужных случаях обходить губернаторский запрет...

Выехав на родину, Залеский служил в редакционных комиссиях по подготовке крестьянской реформы. В 1860 году получил заграничный отпуск и более в Россию не возвратился. Находясь за рубежом, он поддерживал связи с революционными организациями, готовившими новое вооруженное выступление; ему, в частности, была поручена закупка оружия для повстанцев Литвы и Белоруссии. В течение многих лет Залеский сотрудничал в польской эмигрантской прессе, снискав себе известность и как историк, и как художник — автор рисунков из жизни степных народов. Умер этот деятельный человек от туберкулеза. Смерть настигла его на шестидесятом году жизни, в Ментоне.

До последних дней помнил он об Оренбурге, оренбургских своих друзьях и, конечно, оренбургской библиотеке, интересами которой жил не один год...

13

Время шло. Библиотека пополнялась. К началу 1856 года ее фонд превысил 1000 книг. Но у «новорожденной» не было вполне определенного статута.

Таким статутом явилось «Положение о библиотеке, состоящей при канцелярии Оренбургского и Самарского генерал-губернатора» — его составляли Григорьев и Залесский, а редактировал Перовский.

«1. Цель учреждения библиотеки... заключается в том, чтобы: 1) всем вообще находящимся в Оренбурге гражданским и военным управлением доставить возможность почерпать в оной те сведения относительно Оренбургского края, соседних с ним русских губерний и смежных стран Азии, потребность в которых оказывается при всяких новых проводимых начинаниях; 2) тем из проживающих в Оренбурге всякого звания лицам, которые бы досуги свои желали употребить на изучение Оренбургского края в естественно-историческом, хозяйственном, историческом и этнографическом отношениях, доставить необходимейшие к тому пособия и тем поощрить подобные, полезные для края занятия.

2. Сообразно с этой целью, в библиотеке имеются и должны впредь приобретаться для нее издания, относящиеся:

- а) до Оренбургского края собственно;
- б) до соседних с ним стран Азии;
- в) до соседних русских губерний;
- г) до истории, географии и статистики России вообще;
- д) до истории, религии, быта и языка обитающих в Оренбургском крае инородцев;
- е) к пособиям для изучения естественных и хозяйственных наук вообще;
- ж) справочные всякого рода книги, в коих может оказаться надобность...»

Положение предусматривало многое, вплоть до того, что работает библиотека ежедневно, кроме праздников, к занятиям в ней допускаются с дозволения попечителя (его обязанности по-прежнему выполнял В. В. Григорьев), а на дом книги можно взять не иначе как с разрешения генерал-губернатора.

«Для библиотеки назначается отдельное помещение в доме канцелярии...»

Это старинное здание, в котором сей-

час размещается Оренбургский краеведческий музей — один из старейших на Урале; в 1980-м он отпраздновал свое столетие.

В апреле 1857 года Перовского сменил А. А. Катенин.

На библиотеке это сказалось не сразу.

...Еще одно архивное дело (тот же фонд, та же опись, только номер другой — 13225) вводит нас как раз в этот период.

Счета магазина А. Ф. Смирдина...

Счета Д. Е. Кожанчикова...

Новые командировки в Петербург, и снова удачные приобретения. Среди них — комплект «Отечественных записок»; среди множества его публикаций были также и оренбургские.

Но вот первая осечка. Григорьев вознамерился приобрести библиотеку Павла Степановича Савельева — востоковеда, археолога, нумизматика, одного из основателей Русского археологического общества. В ней были тщательно подобраны книги как раз по тем вопросам, которые занимали энтузиастов и исследователей края. Однако тут он натолкнулся на глухую стену: средств губернатор не выделил.

И вообще ассигнования мало-помалу стали сокращаться. Приходилось уменьшать выписку даже самого необходимого.

Тем не менее Григорьев свое дело продолжал. Четырнадцатью книгами покойного Г. Ф. Генса было положено начало сбору неизданных, рукописных материалов...

Катенин на людях выказывал председателю Пограничной комиссии всяческое благорасположение, но — вынашивал свое. И вот — «изъявляю благодарность за просвещенные труды Ваши», но тут же — «желаю сосредоточить дальнейшее заведывание библиотекой в моей канцелярии под наблюдением коллекционера Галкина». И уже категорическое — «вернуть деньги», которые оставались нензрасходованными.

Это произошло в середине 1860 года.

* * *

Много бурь прокатилось-прошумело над первой — и с тех пор главной — библиотекой Оренбурга.

Тома и томики со штампом библиотеки канцелярии оренбургского генерал-губернатора входят сейчас в фонд Отдела редкой книги Оренбургской областной библиотеки имени Н. К. Крупской.

«Описание киргиз-казачьих или кир-

гиз-кайсацких орд и степей» Алексея Левшина — сочинение, над которым размышлял великий Пушкин, готовясь к своей «Истории Пугачева», и его, пушкинских времен, журналы, сборники, литературные альманахи...

«Труды Вольного Экономического общества к поощрению в России земледелия и домостроительства» — изданные в 1776-м, новиковская «Древняя Российская Вивлиофика, или Собрание древностей российских», первый в России научно-популярный журнал «Ежемесячные сочинения, к пользе и увеселению служащие», произведения исторические, географические, этнографические, среди которых те, которые дер-

жали в своих руках В. А. Перовский, В. В. Григорьев, Бронислав Залеский.

Эти книги — значившиеся еще в том первом, изначальном каталоге оренбургской библиотеки — и сегодня служат краю. Книги Рычкова и Палласа, Лепехина и Мурчисона, Эверсмана и Гемелина, Ефремова и Дебу изучаются историками и геологами, литератороведами и этнографами. Они в золотом фонде краеведения.

А в библиотеке уже более полутора миллионов экземпляров всевозможных изданий. И читателей под тридцать тысяч. На Урале, в России она одна из крупных и — лучших.

Нина Аверина

КРАЕВЫЕ ИЗДАНИЯ — ПУТИ ПОИСКА

В 1792 году в только что организованной типографии Пермского наместничества было напечатано первое местное издание — сочинение штаб-лекаря Михаила Гамалея «О сибирской язве и о ее народном лечении, с прибавлением о скотском падеже и о осторожностях, бываемых во время падежа». С тех пор прошло почти двести лет. Пермское книгоиздание, то затихая на время, то развиваясь неторопливо, а то и набирая довольно бурные темпы, уже к концу XIX века становится значительным явлением в системе книжного дела страны.

Подарило оно нам интереснейшие издания и в первые годы Советской власти, и в очень трудные для нашей страны двадцатые годы. А со времени образования Пермского книжного издательства (1939) местное книгоиздание становится органической частью культуры края.

Уже многие годы книговеды нашей страны работают над составлением полного каталога русской книги. Но сведения о некоторых провинциальных изданиях можно найти только на местах. Значит, необходим каталог местной книги, который станет ценнейшим источником для специалистов разного профиля, студентов и учащихся. Он введет в на-

учный и практический оборот незаслуженно забытые книги, направит библиофильский поиск утраченных и редких изданий, поможет библиотекам края пополнить свои фонды краевыми изданиями, повысит к ним интерес читателей, поставит на научную основу библиистическую и антикварную торговлю местной книгой, обновит и расширит формы индивидуальной и массовой работы библиотек с краевой литературой (среди таких форм — создание музеев книги, организация кружков и клубов библиофилов, проведение популярных книговедческих передач по радио и телевидению и т. д.).

Сколько же и каких книг было напечатано в нашем крае за прошедшие почти двести лет? Оказывается, исчерпывающие ответить на этот вопрос не могут ни специалисты, ни краеведы. Почему?

Далеко не все пермские книги сохранились до наших дней. О многих из них нет даже сведений, ведь они часто, вопреки установленным правилам, проходили цензуру на месте — подписывались в печать кем-либо из местной администрации, а значит, и не фиксировались выходящими в то время библиографическими указателями, не попадали в императорскую Публичную библиотеку и другие центральные книгохранилища. Местные же указатели (Д. Д. Смышляева, Н. К. Чуприна, И. Г. Остроумова и других) отражали, причем далеко не полностью, лишь краеведческие издания; художественная, учебная, научная и любая другая

З.П.

урал

Ежемесячный литературно-художественный
и общественно-политический журнал
Союза писателей РСФСР. Свердловская,
Пермская, Челябинская, Тюменская,
Оренбургская, Курганская, Башкирская,
Удмуртская писательские организации.
Основан в 1958 году.
№ 8, август, 1983.

СОДЕРЖАНИЕ

ПРОЗА	Еремей Айпин. Я слушаю землю 3 Валерий Исхаков. Досье 20 Николай Струздюмов. Дорога низом, поймой нашей реки 45 Невил Шют. Крыслов. Окончание 51
ПОЭЗИЯ	Виктор Болотов. «Жизнь идет своим широким ходом...», «Едва ли ветвей не ломая...», «Пусть во саду ли, в огороде...», «Определился круг знакомых...» Газетные стихи 79 Николай Домовитов. «Лес как будто из бронзы отлит...» У памятника Изотову. «Без остановки мчится скорый...» Слепой дождь. «Нет ни облака над плесом...» 80 Александр Гребенкин. Подарок 81 Игорь Тюленев. Чусовая 81 Нина Чернец. «День войдет и скрипнет половицей...» 81
ОЧЕРКИ ПУБЛИЦИСТИКА	Дмитрий Стровский. Директор 82 Анатолий Пискарев. Испытание 89 Владимир Турунтаев. Вокруг карпа 93 Алексей Воробьев. Встречное движение 110 Леонид Большаков. «И тем поощрить...» 115 Нина Аверина. Краевые издания — пути поиска 123 Юний Горбунов. Библиотеки странного миллиона 146
КРИТИКА И БИБЛИОГРАФИЯ	Владимир Славецкий. Испытание памятью 128 Юрий Никишов. «А память кружит...» 137 Дмитрий Вовчок. Не только с улыбкой 140 Валентин Лукьянин. «Простор души с простором государства» 142
ОТВЕТЫ, ОТКЛИКИ, МНЕНИЯ	Курбан-Гали Сулейманов. Игольное ушко Верхнекамья.— Урал, 1982, № 8 166 Быть ли в Качканаре горному техникуму? 169
ЮМОР И САТИРА	Игорь Тарабукин. Из неопубликованного 172

Оренбургская областная
библиотека им. Н. К. Крупской

Свердловск
Средне-Уральское
книжное издательство

© «Урал», 1983.